Сценарий к фильму

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЬЧИКА КЕШИ

Константин Воскресенский

Константин Воскресенский

Сценарий к фильму. Приключения мальчика Кеши

«Aegitas»
2026

Воскресенский К. Д.

Сценарий к фильму. Приключения мальчика Кеши /
К. Д. Воскресенский — «Aegitas», 2026

ISBN 978-0-36-941367-3

Полнометражный сценарий по автобиографии Константина Воскресенского. 1986 год. Отец Кеши погибает в армии – ему девятнадцать. Мальчик растёт один в советском дворе.

ISBN 978-0-36-941367-3

© Воскресенский К. Д., 2026
© Aegitas, 2026

Содержание

Экспликация 6
1. Тема 6
2. Идея / Сверхзадача 7
3. Конфликт 8
4. Главный герой – Кеша 9
5. Второстепенные персонажи 10
6. Визуально-стилистическое решение 11
7. Звуковая партитура 12
Синопсис 13
Сценарий 14
Сцена 1. Инт. Военная казарма, Амурская область – день (1986) 15
Сцена 2. Нат. Военная застава, Амурская область – ночь 16
Сцена 3. Инт. Военный морг, Московская область – день 17
Сцена 4. Инт. Квартира семьи, Климовск – день (1985) 18
Сцена 5. Инт. Квартира семьи – день (1988) 19
Сцена 6. Нат. Пляж, Евпатория, Крым – день (1988) 20
Сцена 7. Нат. Жилой дом, Климовск – ночь (1988) 21
Сцена 8. Инт. Детский сад, спальня – день (1988) 22
Сцена 9. Инт. Детский сад – ночь (1989) 23
Сцена 10. Нат. Жилой дом, Климовск – вечер (1989) 24
Сцена 11. Нат. Подъезд жилого дома, Климовск – день (1990) 25
Сцена 12. Нат. Автобусная остановка / дорога на Сертякино – день (1990) 26
Сцена 13. Нат. Гороховое поле, село Сертякино – день 27
Сцена 14. Инт. Квартира семьи – вечер 28
Сцена 15. Нат. Двор жилого дома – день (1990) 29
Сцена 16. Нат. Разные локации – день (1990–1996) – монтаж 30
Сцена 17. Инт. Лифт жилого дома – день (1991) 31
Сцена 18. Нат. Тоннель под мостом – день (1992) 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Константин Дмитриевич Воскресенский
Сценарий к фильму.
Приключения мальчика Кеши
Полнометражный сценарий по автобиографии Константина Воскресенского

Жанр: Биографическая драмедия
Формат: Полный метр | 99 сцен | 119 страниц | ~119 минут
Возраст: 16+

Логлайн:
1986 год. Отец Кеши погибает в армии – ему девятнадцать. Мальчик растёт один в советском дворе: заикается, бедокурит, тонет в озёрах, сдаёт экзамены с третьего раза – и постепенно складывает из всего этого характер и судьбу.

Автор: Воскресенский Константин Дмитриевич
Адаптация: Воскресенский Константин Дмитриевич, 2026
Контакты: vk79859753732@ya.ru

© Воскресенский Константин Дмитриевич

* * *

Экспликация

1. Тема

История о том, как из череды смешных, горьких и совершенно обычных эпизодов одной провинциальной жизни складывается характер. О том, что страна, семья и обстоятельства лепят тебя – но последнее слово всегда за тобой.

2. Идея / Сверхзадача

Жизнь не обязана быть лёгкой, чтобы быть хорошей. Никогда не сдавайся раньше, чем упрёшься в дно – а дно всегда ближе, чем кажется. Автор хочет сказать зрителю: твоя биография – это не то, что с тобой произошло, а то, что ты из этого сделал.

3. Конфликт

Внешний: Кеша против обстоятельств. Бедность, алкоголизм родителей, советская и постсоветская система на каждом уровне – детский сад, школа, армия, завод, бюрократия. Государство убивает его отца и называет это лихорадкой. Мир не злой – он просто равнодушный.

Внутренний: Кеша против самого себя. Заикание, предающее в самый важный момент. Стыд за котёнка, не проходящий тридцать лет. Импульсивность, которая раз за разом обгоняет здравый смысл.

4. Главный герой – Кеша

Воскресенский Константин Дмитриевич, 1985 г. р.

Любопытный, ироничный, упрямый. Заика, научившийся молчать вовремя и ценить слово дорого – по рублю. Не просит о помощи, но принимает её от соседки с тарелкой ужина. Снаружи – весёлый хулиган. Внутри – мальчик, который сидит у закрытой двери и рисует пальцем домик.

Сквозное действие: найти собственный принцип жизни и доказать – себе, не другим, – что он работает.

Арка: из мальчика, который тонет и не знает глубины под ногами, – в мужчину, который знает: коленка всегда упрётся в дно.

5. Второстепенные персонажи

Мать – молодая, красивая, измождённая. Любит сына по-настоящему, но слабая. Пьёт периодически. Её отсутствие за закрытой дверью формирует Кешу не меньше, чем присутствие.

Отчим – тихий, незлобивый. Стратегия: не вмешиваться, помогать материально. Дал Кеше вырасти самим собой. Пальцем не тронул. Этого оказалось достаточно.

Бабушка Марина – грозная, волевая, с военной точностью в причёске. Эмоциональный якорь семьи. Плачет на венчании.

Дедушка Николай – немногословный. Ездил на опознание в морг.

Мария – учитель русского языка и литературы. Жена. Главный враг Кеши в школе – этот предмет. Главный человек в жизни – его учитель.

6. Визуально-стилистическое решение

АКТ I – Детство (1985–1992): тёплые, чуть выцветшие тона советского быта. Зернистость как у домашней плёнки. Климовск – тесные дворы, пятиэтажки, трамвайные пути, кружевные занавески.

АКТ II – Подростковые годы (1993–2003): контрастнее, резче. Девяностые – холодный свет ларьков, электрички в ночи, гаражи, облупленные коридоры.

АКТ III – Взрослость (2004–2020): современная чистая палитра без глянца. Финал – ночной балкон, синий час, тишина.

Сквозной образ – вода: бассейн в Будапеште, река Ока, озеро Павленское, заплыв ради фотоснимка. Вода как метафора испытания и предела.

7. Звуковая партитура

Саундтрек к одноимённой книге имеется, написан Петром Светличным (музыка готова, является частью проекта).

Закадровый голос (Взрослый Кеша) – ироничный, тёплый, с паузами. Не поучает, удивляется вместе со зрителем.

Детские темы (Акт I) – советские радиопесни, хрип приёмника в казарме.

Лейтмотив озера (сцена 51) – нарастающая тишина, удар колена о дно как точка облегчения.

Ветклиника (сцена 98) – абсолютная тишина. Только дыхание кошки, потом его отсутствие.

Финальный балкон (сцена 99) – тема из саундтрека книги.

Синопсис

1986 год. Военная казарма на Дальнем Востоке. Девятнадцатилетний рядовой Дмитрий Воскресенский пишет письмо сыну. В ту же ночь его убивают – пять пулевых ранений. Государство ставит штамп: «геморрагический нефрозонефрит». Дед забирает тело и на пороге морга говорит самому себе: «Лихорадка. Да. С пятью дырками».

Годом раньше в подмосковном Климовске молодая мать называет сына Иннокентием – и тут же переименовывает его в Константина, вытащив клочок бумаги из керамической миски. Дед произносит тихо: «Константин – значит стойкий. Ему пригодится».

Кеша растёт без отца, с тихим отчимом, который никогда не скажет слова поперёк. Страна вокруг рассыпается. Но во дворе пятиэтажки жизнь идёт своим чередом.

В три года он самостоятельно уходит с пляжа в Евпатории – его находят на трамвайных путях с булкой. В пять – воспитательница детского сада грозит «отрезать язык» за болтовню. С этого дня Кеша начинает заикаться. Пока родители пьют, он ждёт в подъезде за закрытой дверью – часами, спокойно.

Школьные годы – череда шалостей и последствий: угон велосипеда (стыд), котёнок (стыд на всю жизнь), металлолом с военной части, катание в лифте с открытыми дверями. В одиннадцать лет – первая заграница, Будапешт: прыгает в бассейн с тумбы, не умея плавать. В том же году сбегает ночью из летнего лагеря и добирается до бабушки – а на следующий день возвращается.

Лето 1997 года. Кеше двенадцать. На озере Павленском он прыгает в воду, уходит под поверхность, барахтается – и уже кажется, что конец. В этот момент колено упирается в дно. Он тонул на мелководье. Этот эпизод формирует главный принцип жизни: никогда не сдаваться раньше времени. Даже когда кажется, что это уже конец – возможно, это ещё не конец. Пока не умру. И то ещё подумаю.

Лицей, десятый класс. Кеша подрабатывает ночным директором магазина, фотографирует. В семнадцать становится лауреатом областного фотоконкурса – домой его везёт сам мэр. МГТУ СТАНКИН: математический анализ – три пересдачи, почти отчисление. В коридоре университета встречает Марию – студентку-литературоведа. Учителя русского языка и литературы. Главного врага Кеши в школе – и главного человека в жизни.

2005 год. ЗАГС в джинсах, венчание на следующий день. 2006-й – магистратура, один из двухсот отобранных. «Сименс» – карьера, конфликт с заводом, двадцать две официальных жалобы, включая «штаны порвёт». 2011-й – рождение дочери.

2018 год. Ветеринарная клиника. На коленях у Кеши умирает кошка. Он смотрит ей в глаза – и вспоминает котёнка из детства. Единственный эпизод в жизни, который хотел бы исправить. Единственный.

2020 год. Ночь. Балкон в Климовске. Кеше тридцать пять. Дочь спит, Мария рядом. Он смотрит на тихий двор. Родился с чужим именем. Потерял отца. Заикался. Тонул. Падал. И каждый раз коленка упиралась в дно. Дно всегда было рядом. Просто нужно было не сдаться раньше.

Сценарий

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Сцена 1. Инт. Военная казарма, Амурская область – день (1986)

ТИТР: «Июль 1986 года. Амурская область, Дальний Восток. За месяц до.»

Тесное казарменное помещение. На стенах – плакаты советских спортсменов. Из радиоприёмника хрипит последний хит Пугачёвой. Молодые солдаты валяются на железных койках – кто чистит сапоги, кто пишет письмо, кто тупо уставился в потолок.

ДМИТРИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ (19) – красивый, темноволосый, невозможно молодой – сидит на своей койке, выводит письмо аккуратным, старательным почерком. К стене рядом с ним прилеплена ФОТОГРАФИЯ: пухлый малыш, хохочет, на голове – нелепая вязаная шапка.

Сосед по койке СЕРЁГА (19) перегибается к нему.

СЕРЁГА

Опять жене строчишь?

ДМИТРИЙ

(не поднимая глаз)

Это сыну.

СЕРЁГА

Ему год, Дима. Он читать не умеет.

ДМИТРИЙ

(улыбаясь)

Когда-нибудь научится. Хочу, чтобы знал – у отца был красивый почерк.

Серёга смеётся. Дмитрий дописывает. Аккуратно складывает письмо. Убирает в конверт. Смотрит на фотографию.

ДМИТРИЙ

(тихо, фотографии)

Скоро приеду, Кеша. Потерпи.

Он касается фотографии кончиком пальца. Малыш на снимке смеётся, глядя куда-то за кадр. Дмитрий улыбается. Молодой отец – невозможно молодой – тянется к сыну, которого больше никогда не обнимет. Этот образ застывает.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Он так и не вернулся. И письмо не отправил. Я узнал об этом тридцать лет спустя. К тому времени у меня самого уже была дочь. И тогда я понял.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 2. Нат. Военная застава, Амурская область – ночь

ТИТР: «20 августа 1986 года. 5600 километров от Москвы.»

Та же база. Глухая ночь. Пустынный гарнизон на китайской границе. Колючая проволока растворяется в тумане. Казармы вжимаются в землю. Ветер воет над пустотой.

ТИШИНА. Где-то лает собака. И вдруг —

Одиночный ВЫСТРЕЛ разрывает ночь. За ним – второй. Потом – хаос. Вспышки дульного пламени стробоскопом вырывают из темноты перепуганные молодые лица. СОЛДАТЫ мечутся в темноте, кричат, спотыкаются друг о друга. Начинает выть сирена.

В суматохе мелькает ДМИТРИЙ – он выскакивает из казармы в нательной рубахе. На груди расцветает кровавое пятно. Потом – на плече. Потом – на боку. Он тянет руки вперёд, в пустоту, и падает.

ОФИЦЕР выкрикивает приказы, которые никто не выполняет. Солдаты тащат тела. Кто-то кричит: «Медика!» Крик обрывается.

Дым. Ветер. Туман. Тишина.

Вдали потрескивает рация – жестяной голос зачитывает сводку, которую некому слушать. Ветер крепчает, неся над плацем пепел и запах кордита. На дорожке между казармами лежит одинокий ботинок – зашнурованный, ещё тёплый.

Рассвет. Серый свет сочится сквозь туман, как разбавленная кровь. САНИТАРЫ прибывают в крытом грузовике – слишком поздно для всех, кто имел значение. Они несут носилки с бюрократической слаженностью людей, которые делали это раньше и будут делать снова.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 3. Инт. Военный морг, Московская область – день

Люминесцентный свет. Кафельные стены. Запах формалина и казённого мыла. На стене тикают часы. Это единственный звук.

НИКОЛАЙ ТИМАНОВ (55) – обветренный мужчина с мозолистыми руками и выправкой человека, всю жизнь проработавшего на воздухе – стоит перед телом, накрытым белой простынёй. Челюсть стиснута так, что мышцы на шее выступают канатами. Кепка в руках.

ВОЕННЫЙ ЧИНОВНИК (за 40, скучающий, деловитый, проделывавший это сотни раз) держит планшет с бумагами.

ЧИНОВНИК

Тиманов Николай Петрович? Вы прибыли для опознания тела рядового Воскресенского Дмитрия Анатольевича?

Николай кивает. Один раз.

Руки дрожат, когда он тянется к простыне. Приподнимает край. Мы не видим того, что видит он. Но его лицо говорит всё: спазм горя, такой сильный, что, кажется, раскалывает череп изнутри. Он давит его мгновенно. Десятилетия советской мужественности требуют молчания.

Он осторожно опускает простыню. Стоит неподвижно долгую минуту.

НИКОЛАЙ

(едва слышно)

Девятнадцать ему было.

Чиновник ставит штамп на свидетельство о смерти. На свидетельстве о смерти – неотвратимо, во всю ширь взгляда:

ТИТР: «Причина смерти: геморрагический нефрозонефрит.»

Николай смотрит на штамп. Потом – на очертания под простынёй. Пять пулевых ранений. Газовые ожоги. И государство, которое называет это лихорадкой. Он складывает бумагу в маленький квадрат, убирает в карман пальто и идёт к двери.

На пороге останавливается. Говорит, не оборачиваясь.

НИКОЛАЙ

(самому себе)

Лихорадка. Да. С пятью дырками.

Он выходит в бледный зимний свет. Дверь за ним закрывается с тихим щелчком, похожим на звук крышки гроба.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 4. Инт. Квартира семьи, Климовск – день (1985)

ТИТР: «Годом ранее.»

ТЁПЛЫЕ ТОНА. Другой мир. Тесная, но уютная квартира в Подмосковье. Выцветшие обои с голубыми цветочками, кружевные занавески, в углу – кроватка. Из кухни пахнет борщом. Телевизор бормочет вечерние новости.

МЛАДЕНЕЦ спит в кроватке, сжав кулачки, тихо дыша. Вокруг – семейный спор. Не о чём-то серьёзном, но с тем страстным напором, который только русские способны вложить в обсуждение детского имени.

МАТЬ (23, красивая, измождённая, ещё в больничном халате) держит свидетельство о рождении.

МАТЬ

Его зовут Иннокентий. Решено. Я уже вписала в документ.

БАБУШКА МАРИНА (за 50, грозная, волосы заколоты с военной точностью – из тех женщин, что могут командовать взводом и при этом успеть к ужину) бьёт ладонью по столу.

БАБУШКА МАРИНА

Иннокентий?! Ты с ума сошла? Да его в школе заживо съедят! Будут дразнить Кешей, как этого дурацкого попугая из мультика!

ДЕДУШКА НИКОЛАЙ сидит в углу, курит. Молчит. Наблюдает, как спорит дочь, и не произносит ни слова.

Маленькая ТЁТЯ НАДЯ (7), сидя на полу с раскраской и набитым печеньем ртом, поднимает голову.

ТЁТЯ НАДЯ

Ой, а я знаю – это Кеша! Я вчера мультик смотрела про попугая Кешу! Кеша смешной!

Пауза. Комната взрывается. Мать всплёскивает руками. Бабушка Марина качает головой.

БАБУШКА МАРИНА

Ладно. Три имени. В шапку. Как Бог решит.

Три клочка бумаги вырваны из школьной тетрадки: ИЛЬЯ, РОМАН, КОНСТАНТИН. Мать закрывает глаза. Тянет из вязаной шапки. Достаёт. Разворачивает.

МАТЬ

(читает)

Константин.

Она смотрит на спящего младенца. Улыбается. В углу дедушка Николай наконец подаёт голос. Охрипший от молчания.

ДЕДУШКА НИКОЛАЙ

(тихо)

Константин – значит «стойкий». Ему пригодится.

Никто не спрашивает почему. Но комната на мгновение замолкает. Младенец спит, не ведая о новом имени, о будущем отца и о стране, которая уже начинает рассыпаться вокруг него.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Я родился с чужим именем, потерял отца раньше, чем научился ходить, и получил нового папу раньше, чем научился говорить. Россия, что тут скажешь. Ничто не остаётся прежним надолго. Кроме борща. Борщ не меняется никогда.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 5. Инт. Квартира семьи – день (1988)

КЕША (3) сидит на полу, сооружая башню из деревянных кубиков с сосредоточенностью ядерного физика. Каждый кубик ставится обдуманно, выверенно. Прикусив нижнюю губу.

МАТЬ стоит в дверном проёме с новым мужчиной: ОТЧИМ (28), добродушный, тихий, в свежеотглаженной рубашке – видно, что всё утро готовился к этому знакомству. Ботинки начищены. Руки чистые.

Отчим садится на корточки на уровень Кеши. Протягивает руку. Кеша смотрит на руку. Потом на лицо. С серьёзностью крохотного дипломата, впервые выходящего на международную арену, он жмёт её.

КЕША

(бодро, без колебаний)

Привет, папа.

Отчим моргает. Смотрит на Мать. Та кивает. Он поворачивается обратно к Кеше, и что-то хрупкое, неподготовленное проскальзывает по его лицу.

ОТЧИМ

(осторожно)

Привет, Кеша. Хорошая башня.

КЕША

Она всё время падает. Но я строю снова.

Он протягивает Отчиму кубик. Отчим ставит его на башню. Кубик держится идеально. Кеша одобрительно кивает – будто этот человек прошёл важный тест.

Мать наблюдает из дверного проёма. Глаза влажные. Она отворачивается, пока никто не заметил.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Я всегда его называл и называю «папа». Мы с ним дружим и ладим… Хотя как не ладить, если тебе слово поперёк не говорят и пальцем не трогают. Собственно, всегда это и была его стратегия – не вмешиваться, помогая материально всем, чем можно. Не скажу, что это самая удачная стратегия сама по себе, но в моём случае я бесконечно благодарен отцу. Он дал мне возможность вырасти самим собой. Не стал ломать меня, переделывать, вкладывать своё мировоззрение, подгонять под свои стандарты. Такая предусмотрительность и деликатность дорогого стоят…

СМЕНА КАДРА:

Сцена 6. Нат. Пляж, Евпатория, Крым – день (1988)

Палящее летнее солнце. Переполненный советский пляж в разгар сезона: женщины в широкополых шляпах читают романы, мужчины в крошечных плавках режутся в карты, радиоприёмники перекрикивают друг друга. Чёрное море блестит, как кованое олово. Мороженщики выкрикивают цены. Дети визжат.

Мать и ТЁТЯ ИРА заходят в тёплую воду, оставив трёхлетнего КЕШУ с ЗАГОРАЮЩЕЙ ТЁТЕНЬКОЙ.

МАТЬ

(загорающей)

Присмотрите за ним буквально две минуточки? Пожалуйста?

Тётенька поправляет шляпу. Улыбается. Закрывает глаза.

Кеша смотрит на неё. Смотрит на море. Смотрит на чайку, клюющую обёртку. Потом встаёт и решительно топает прочь – с уверенностью человека, который точно знает, куда идёт.

НЕСКОЛЬКО МИНУТ СПУСТЯ: Мать и тётя Ира возвращаются, мокрые. Покрывало пустое. Загорающая тётенька спит.

МАТЬ

(мгновенная паника)

КЕША! КЕ-ША!

Бегут. Вдоль пляжа. По набережной. Мимо тележки с мороженым. Мимо кабинок для переодевания. Нигде.

Тётя Ира замечает его первой – в четверти километра, он идёт по ТРАМВАЙНЫМ ПУТЯМ, бодро жуя булку неизвестного происхождения. Он не потерялся. Ему не страшно. У него лучший день в жизни.

МАТЬ

(задыхаясь, хватая его)

Откуда это у тебя?! Где ты был?!

КЕША

(жуя, радостно)

Я кушать ходил.

Мать хватает его, прижимает к груди, смеётся и плачет одновременно. Булка сплющивается между ними. Кеша, озадаченный суетой, продолжает жевать.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Три года. Без карты, без денег, без знания иностранных языков. И всё равно раздобыл булку из воздуха. М-да… мужчинка мал, но покушать не дурак. Кое-что с тех пор не изменилось. Хотя методы добычи стали чуть изящнее.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 7. Нат. Жилой дом, Климовск – ночь (1988)

Красно-синие сполохи мигалок на фасаде кирпичной пятиэтажки. ДЫМ валит из окна второго этажа – бабушкина квартира. ПОЖАРНЫЕ в тяжёлых робах тянут шланги. Толпа собирается в халатах и тапках. Голоса перекрывают друг друга в темноте.

Трёхлетний КЕША стоит не шевелясь у края толпы, лицо освещено отблесками. Мать держит его за руку, но он застыл – каждая мышца маленького тела заблокирована. Глаза широко раскрыты, немигающие, отражают оранжевое пламя.

Пожарный выносит обгоревшее кресло через подъезд. Искры кружатся, как рыжие снежинки. Занавеска вспыхивает и за три секунды рассыпается прахом – из шёлка в пепел, красиво и страшно.

Мальчик не шевелится. Не моргает. Не дышит.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

С тех пор каждый раз, когда я вижу пожар, я буквально немею и мысленно проваливаюсь в этот эпизод. Трёхлетний мальчик, застывший. Вот что формирует тебя ещё до того, как ты понимаешь, что значит «формировать».

СМЕНА КАДРА:

Сцена 8. Инт. Детский сад, спальня – день (1988)

Ряды маленьких кроваток в затемнённой комнате. Дети спят. Полуденный свет пробивается через тонкие шторы. Пахнет мастикой и тёплым молоком. Тихо тикают часы. В углу стоит лошадка-качалка со сколотым ухом.

КЕША (3) лежит на боку, лицом к ДЕВОЧКЕ на соседней кроватке. У неё светлые косички и пятнышко краски на щеке. Глаза открыты. Они смотрят друг на друга.

КЕША

(шёпотом)

Привет. Тебя как зовут?

На него падает тень. ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА (за 50, советская закалка, руки как у колхозницы – женщина, выкованная системой, которая не одобряла шёпот) нависает сверху. Руки скрещены.

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

(ледяным тоном)

Ещё одно слово – и я тебе язык отрежу.

Рот Кеши захлопывается. Глаза распахиваются. Он натягивает одеяло до подбородка и лежит абсолютно неподвижно, как маленький зверёк в присутствии хищника. Девочка на соседней кроватке отворачивается.

Он не шевелится до конца тихого часа. Смотрит в потолок. Переваривает.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Прозвучало настолько угрожающе и так убедительно, что вы бы сами в это поверили даже сейчас. С тех пор у меня слово по рублю, и я всегда предпочту промолчать. А то мало ли…

СМЕНА КАДРА:

Сцена 9. Инт. Детский сад – ночь (1989)

Детский сад пуст. Темно. Все остальные дети ушли. Крючки в раздевалке пустые – все курточки и шапки забрали домой. Здание поскрипывает, остывая.

КЕША (4) сидит один за маленьким столиком у окна. Он не плачет. Не зовёт. За окном мягко падают снежинки на дубы и пустые дорожки. Фонари горят оранжевым. Мир тих, красив и совершенно о нём забыл.

Он рисует что-то мелом на доске. Домик. Семью. Стирает ладонью. Рисует снова.

Проходят часы. Свет за окном меняется – с серого на синий, с синего на чёрный. Батарея щёлкает. Где-то в стене булькает труба. Наконец РОДСТВЕННИЦА, работающая в этом учреждении, возвращается за чем-то забытым и находит его.

РОДСТВЕННИЦА

(прижав руку к губам)

Господи. Ты давно тут сидишь?

Кеша поднимает на неё взгляд, которому не место на лице четырёхлетнего ребёнка: спокойный, ровный, полное принятие.

МОНТАЖНЫЙ СТЫК:

Сцена 10. Нат. Жилой дом, Климовск – вечер (1989)

КЕША стоит перед дверью своей квартиры. Дёргает ручку. Закрыто. Никого нет дома. Подъезд молчит, только гудит люминесцентная лампа, мигая, как умирающий пульс.

Он сползает на пол, спиной к двери, вытянув ноги. Снимает ботинки – ноги устали. Аккуратно ставит ботинки, пятки к стене. Складывает руки на коленях. Ждёт.

В подъезде холодно. Лампа гудит. Он разглядывает стену напротив – на ней трещина, похожая на реку. Он прослеживает эту реку глазами.

Проходит два часа. В девять вечера ВЕРИНА МАМА из 48-й квартиры открывает дверь. Она в халате, с чашкой чая. Видит его. Лицо меняется.

ВЕРИНА МАМА

(мягко, приседая к нему)

Ой, маленький. Заходи. Кушал?

Кеша мотает головой. Она берёт его за руку. Рука ледяная. Уводит его внутрь без лишних слов.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

И мать, и отчим всю жизнь, хоть и периодически, но очень не по-детски злоупотребляли алкоголем. Не осуждаю и не виню. У всех свои причины, и у этих причин – свои причины. Но, как часто говорится в анекдотах, осадочек остался. Несколько осадочков, если быть точным. Некоторые – до сих пор.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 11. Нат. Подъезд жилого дома, Климовск – день (1990)

КЕША (5) мчится на полной скорости через палисадник – срезает путь под чьими-то окнами. Цветы мелькают. Трава хлещет по ногам. Он летит. Он непобедим.

Влетает в подъезд и ВРЕЗАЕТСЯ прямо в СТАРУШКУ с авоськой картошки. Авоська лопается. Картошка скачет по ступенькам, как коричневые гранаты. Одна закатывается под батарею.

Старушка смотрит на раскатившуюся картошку. Смотрит на Кешу. Что-то вспыхивает у неё за глазами.

СТАРУШКА

(взрываясь)

Ах ты ВРЕДИТЕЛЬ! Хуже колорадского жука! Мой огород! МОЙ ОГОРОД! Ты посмотри, что с моими цветами натворил! А теперь картошка! Ты хоть знаешь, сколько я за ней в очереди стояла?!

Её ярость – вулканическая, несоразмерная, ужасающая. Её лицо – в сантиметрах от его. Слюна летит. Палец тычет в грудь, как дятел в кору. Десятилетия советских фрустраций изливаются потоком гнева на пятилетнего мальчика.

Кеша открывает рот, чтобы извиниться. Губы шевелятся. Ни звука.

Пробует снова. Челюсть работает. Язык прижимается к зубам. Слова есть – он чувствует их, столпившиеся за зубами, как машины в пробке. Но рот не подчиняется.

ЗВУКОВОЙ ДИЗАЙН МЕНЯЕТСЯ: мир глохнет, становится гулким, будто через воду. Рот старушки продолжает двигаться, но слова – искажённые, далёкие, будто крик через стеклянную стену.

Кеша стоит, рот открыт, парализован. Глаза наполняются слезами – не от ругани, а от ужаса собственного молчания. Тело предало. Слова бросили.

Старушка уходит, бормоча про жуков, детей и падение нравов. Кеша стоит один в подъезде. Пытается произнести своё имя.

К-к-к-к.

Не может.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Нет, не зайка. Заика. Им я стал приблизительно в пять лет. Всё произошло слишком стремительно. Началась ещё одна новая страница в моей жизни. Новая ноша на мою душу и разум. Такая, что будет следовать за мной повсюду. Как тень с собственными планами.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 12. Нат. Автобусная остановка / дорога на Сертякино – день (1990)

ТИТР: «Лето 1990 года.»

КЕША (5) и его друг РОМА (7) стоят на автобусной остановке. Рома – бесспорный лидер: выше, смелее, с неизменной коростой на коленке и уверенностью человека, которому уже давно семь. Кеша смотрит на него снизу вверх с абсолютным доверием.

РОМА

За соседней деревней – гороховое поле. Огромное. Ешь – сколько хочешь. Никто не сторожит. Просто растёт себе.

КЕША

(глаза как блюдца)

Бесплатный горох?

РОМА

Бесплатный. Горы. Поехали.

Они смотрят друг на друга – два пацана с пустыми карманами и полными головами фантазий. Автобусная остановка изрисована граффити: кто-то написал «Ельцин = вор», а ниже, помельче – «А мы разве не все?»

КЕША

(читая граффити, не понимая)

А это чё значит?

РОМА

Это значит, что взрослые – чудные. Поехали, автобус идёт.

Они садятся в дребезжащий автобус. ВОДИТЕЛЬ косится на них – двое мальчишек без взрослых – но ничего не говорит. Россия, 1990 год. Дети гуляют сами.

Едут двадцать минут, прижавшись носами к пыльному стеклу, глядя, как пригород сменяется полями и берёзовыми рощами.

Сцена 13. Нат. Гороховое поле, село Сертякино – день

Выходят на деревенской остановке. Идут по грунтовке, обсаженной одуванчиками. Поворот – и перед ними:

ОГРОМНОЕ ГОРОХОВОЕ ПОЛЕ до горизонта. Зелёное, бескрайнее, переливающееся в мареве. Стручки висят тяжёлые, лопающиеся от спелости. Гудят пчёлы. Воздух пахнет землёй и солнцем.

У Кеши отвисает челюсть. Это самое прекрасное, что он видел в жизни.

КЕША

(шёпотом)

Рома. Какое огромное. До самого края.

РОМА

(ухмыляясь)

Говорил же. Погнали!

Они заходят в поле. Горох Кеше – по грудь. Он срывает стручок, ломает – горошины молодые, упругие, взрывающиеся сладостью. Сок течёт по подбородку.

МОНТАЖ: Они едят самозабвенно. Зелёный сок на подбородках и рубашках. Набивают стручками карманы. Лежат на спинах между рядами, глядя в бескрайнее синее небо, животы набиты и раздуты. Две крошечные фигурки в океане зелени. Мир прост и щедр и ничего от них не требует.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Такое лихое чувство свободы, непроходимое ощущение ожидания большого приключения. Вот что может гороховое поле, когда тебе пять. Это чувство – чистая, иррациональная радость от чего-то бесплатного и бескрайнего – я гоняюсь за ним с тех пор. И иногда нахожу.

Сцена 14. Инт. Квартира семьи – вечер

Мать стоит над Кешей, скрестив руки. Карманы до сих пор набиты стручками гороха. Улики неопровержимы и, прямо скажем, зелёные.

Следует порка. Потом – угол. Кеша стоит лицом к стене, нос – в шести сантиметрах от обоев с голубыми цветочками. Карманы вывернуты.

Ему не жалко. Он уже планирует следующую вылазку.

Из спальни доносится приглушённый разговор Матери с Отчимом. «Он ехал в автобусе. Один. С семилетним.» Ответ Отчима – слишком тихий. Потом тишина. Потом включается телевизор – вечерние новости, Горбачёв, что-то про реформы.

Кеша обводит пальцем голубые цветочки на обоях. Если присмотреться, каждый немного другой. Он думает: а горох ещё растёт? Ждёт его?

СМЕНА КАДРА:

Сцена 15. Нат. Двор жилого дома – день (1990)

КЕША (5) стоит у подножия высокой берёзы, задрав голову. Ствол белый, гладкий, ветви широко раскинуты. Рядом – трое СТАРШИХ ПАЦАНОВ (8–9), руки в карманах, излучающих ту особую уверенность мальчишек, которые уже научились быть походя жестокими.

ПАЦАН № 1

Давай. Залезай. Легко. Даже малой справится.

ПАЦАН № 2

Слезать – труднее. Но разберёшься.

КЕША

(решительно, сжав челюсть)

Я всё могу, если захочу.

Он лезет. Первая ветка – легко, руки сильные после турников. Вторая – тянется, нога находит сучок. Третья – подошва скользит, хватается, кора обдирает ладонь, карабкается дальше. Добирается до развилки метрах в двух от земли и садится, свесив ноги. Чудесный вид на двор: площадка, гаражи, хрущёвки до горизонта.

Ухмыляется вниз. Пацаны исчезли. Растворились. Двор пуст. Он один на дереве, в двух метрах от земли, без плана спуска.

Время идёт. Живот бурчит. Солнце смещается. Внизу пробегает собака, наверх не смотрит. Кричать? Ни за что. Он мужчина, а не тётка базарная. Подождёт. Кто-нибудь придёт. Наверное.

Внизу пробегают ДРУЗЬЯ, гоняя мяч.

ДРУГ

(подняв голову, в восторге)

Эй, ворона! А где твой кусочек сыра?

Пауза. Кеша понимает – басня Крылова, ворона и лисица. Он – ворона. Дерево – его глупость. Сыр – его достоинство.

КЕША

(гордость трескается)

Можешь… маму позвать?

МАТЬ прибегает, запыхавшаяся. За ней – ЗДОРОВЕННЫЙ СОСЕД (за 30, из тех мужиков, что открывают банки всему подъезду и чинят батареи без просьб). Он тянет руки и снимает Кешу с дерева, как спелое яблоко.

Мать ставит Кешу на землю. Стряхивает кору с куртки. Вытаскивает листик из волос. Смотрит на него. Он напрягается, готовясь к разносу всей жизни.

Она обнимает его. Крепко. Долго. Его лицо, прижатое к её пальто, проходит путь от страха через удивление к чему-то тёплому и безымянному.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 16. Нат. Разные локации – день (1990–1996) – монтаж

Стремительный МОНТАЖ Кешиных травм. Фоном – бодрая советская детская музыка, которая с каждой новой травмой звучит всё ироничнее:

– Кеша падает спиной с металлической лестницы на площадке. Спина ударяется о землю. Он лежит, перехватив дыхание, глядя в небо. Проплывает облако в форме зайца. Встаёт. Отряхивается. Идёт домой есть блины.

– Кеша слетает с карусели на полном ходу и приземляется на доску с гвоздями. ПЯТЬ проколов в заднице. Его ВОПЛЬ разносится по всей площадке, вспугивая голубей. Мать вытаскивает гвозди из его плоти на кухонном столе, пока он закусывает деревянную ложку.

– Кеша падает с дерева – другого дерева, повыше. Вывих левой руки. Скрывает травму, засунув руку в куртку по-наполеоновски. Держит маскировку ТРИ ДНЯ – лишь бы не отменили летний лагерь.

– В санатории Кеша пытается впечатлить трёх ДЕВОЧЕК, перемахнув через перила беседки. Нога цепляется. Он с размаху летит на левую руку. ОПЯТЬ. Просыпается в гипсе, окружённый теми же тремя девочками, которые теперь его жалеют. Не то внимание, на которое он рассчитывал.

– НЕМЕЦКАЯ ОВЧАРКА хватает его за левую кисть. Зубы впиваются. Из раны торчит толстая жёлтая нитка – мышечное волокно. Кеша разглядывает его с научным любопытством.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Моя левая рука начинала подозревать, что я её не люблю. Справедливости ради – рука была права. С тех пор мы помирились.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 17. Инт. Лифт жилого дома – день (1991)

Старый советский лифт с большими деревянными складными дверями. Краска облупилась узорами, похожими на карты воображаемых стран. Свет мигает. Пахнет сырым бетоном, старой капустой и чьим-то советским одеколоном.

КЕША (6) и его ДРУГ САША (7) заходят внутрь. Закрывают наружную металлическую дверь, но внутренние деревянные створки оставляют ОТКРЫТЫМИ. В щель виден бетонный лифтовой колодец – тёмный, бездонный, гудящий невидимыми механизмами.

САША

Руки в стороны. Упирайся в стенки. Вот так. Ладони плоско.

Показывает: ладони плашмя к стенам лифта. Кеша копирует – маленькие руки едва достают.

САША

Теперь подними ноги. Обе. Одновременно.

Оба мальчика ПОДНИМАЮТ НОГИ. Повисают, упёршись руками, болтая ногами. Датчик веса считает кабину пустой. Лифт ждёт вызова.

САША

(кричит вверх по шахте)

КОЛЯ! ЖМАКНИ КНОПКУ!

Где-то сверху нажимают кнопку. Лифт ДЁРГАЕТСЯ вверх. Арматура, бетон, тросы – всё МЕЛЬКАЕТ в сантиметрах от болтающихся ног. Стробоскопическое, головокружительное мельтешение серого и чёрного. Ветер бьёт снизу по шахте, треплет волосы.

Мальчишки СКАЛЯТСЯ. Все зубы наружу. Глаза дикие. Мигающий свет заставляет их лица появляться и исчезать, как призраки. Это лучший аттракцион в Советском Союзе, и никто о нём не знает, кроме них.

Лифт останавливается. Они опускают ноги. Переводят дух. Переглядываются.

КЕША

(задыхаясь, ухмыляясь)

Ещё?

САША

Ещё.

Поднимают ноги. Датчик обнуляется. Кто-то жмёт кнопку. Лифт ПАДАЕТ. На этот раз быстрее. Кешин живот буквально подлетает к горлу. Он хохочет – дикий, неуправляемый, пятитревожный хохот, который гулко разносится по шахте.

Они проделывают это ещё пять раз. Когда наконец вываливаются в коридор, руки трясутся, а улыбки могли бы осветить весь дом.

ВЗРОСЛЫЙ КЕША (З.К.)

Когда появились эти современные лифты с автоматическими дверями, родители повсюду вздохнули с облегчением. Игра в лифт закончилась. Но что бы я отдал за ещё одну поездку в этой грохочущей, ужасающей, великолепной машине. Только одну.

СМЕНА КАДРА:

Сцена 18. Нат. Тоннель под мостом – день (1992)

Бетонный тоннель под автомобильной эстакадой. По дну течёт мелкий ручей, несущий листья и фантики из цивилизованного мира наверху. КЕША (7) и ТРОЕ ДРУЗЕЙ заходят вброд – вода по колено, в руках дешёвые советские фонарики.

ДРУГ № 1

Тут раки есть. Здоровенные. Мой брат одного поймал – с ладонь.

КЕША

(вглядываясь в темноту)

А как ловить-то?

ДРУГ № 1

Просто хватаешь. Быстро. Пока не щипнул.

Бредут глубже. Тоннель сужается. Наверху гудит трасса – бесконечная гроза, которая не стихает. Лучи фонариков пляшут по замшелым стенам, выхватывая странные тени и капающие трубы.

Кеша замечает движение. РАК – ржаво-бурый, панцирный – пятится в щель. Кеша суёт руку. Рак ЩИПЛЕТ палец.

КЕША

АЙ!

Отдёргивает руку – рак висит, вцепившись в указательный палец, как сердитое украшение. Пацаны взрываются хохотом. Кеша трясёт рукой. Рак держится. Ещё больше хохота.

ПОЗЖЕ: Сидят в тоннеле – мокрые, замёрзшие, абсолютно довольные, – соорудив маленькую плотину из камней поперёк ручья. В запруде мечутся мальки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.